

Обвенчанный с удачей

Василий Аксенов: «Литература без ностальгии – халтура»

Вера Цветкова

Писатель Василий Аксенов – обладатель необычной и завидной судьбы. Если у каждого есть ангел-хранитель, то у Василия Павловича он – в больших силах. В какой другой судьбе жизненные испытания так бы спешили обернуться удачами? «Все к лучшему» – это про него. Аксенов лет тридцать слышит живым литературным классиком. Но если бы не бросил медицину – думается, прославился бы в ней. Если бы всецело отдался любимому джазу – в нем. А когда слышишь потрясающей красоты голос Аксенова, легко представляешь его на оперной сцене. Или – в Петербурге столетней давности, в особняке на Морской, аристократом в седьмом поколении...

За свою долгую жизнь Аксенов не научился фальшивить – в общении поражает искренностью. И юмором – хотя, казалось бы, во многих мудрости должно быть много печали. И абсолютной непафосностью по отношению к своей персоне – хотя, казалось бы, достиг пьедестального положения. Недавно Василий Павлович Аксенов стал лауреатом премии «Букер – Открытая Россия» за лучший роман года. Под названием «Вольтерьянцы и вольтерьянки».

Итак, свершилось: впервые в жизни вы, Василий Павлович, получили литературную премию на родине!

– Не только на родине – вообще. Не единожды выдвигали, но никогда не давали. Помню, лет десять назад был такой забавный случай – Белле Ахмадулиной в Германии собирались дать литературную премию, и устроитель ее спросил, кого бы из наших она порекомендовала еще. «Аксенова», – сказала она. И увидела лицо, едва ли не искаженное суждением: «Ему дадут другие!» Что это значит, до сих пор не могу понять.

Василий Аксенов теперь не просто хороший писатель, а еще и Букеровский лауреат.

– Какие чувства вы испытали на вручении Букера? Перефразируя филатовские строки – «...когда, обвенчанный с удачей, вы гордо шли от алтаря?»

– Красиво звучит – ответ, боюсь, будет приземленнее. Поначалу были слухи, что мой роман – самый лучший из шести отобранных. Потом заговорили, что премию вроде бы дадут Люсе Петрушевской, чье творчество я люблю с советских времен. Так что я не особо надеялся. И вот – торжественный ужин по поводу Букера. Я ловлю взгляды, какие-то подмигивания... Напротив меня сидит председатель жюри Володя Войнович, который ничего по поводу не говорит. Думаю, он специально разработал тактику поведения – мямлил, шутил, уводил разговор в сторону... И наконец оглашение. Что я в тот момент испытал? Мне было очень приятно. Лучший роман года – это немало.

– Какие в Букере правила – предлагают принять участие в соискании или надо выдвигаться самому?

– Выдвигает то издание, которое произведение опубликовало. «Вольтерьянцы» были напечатаны в журнале «Октябрь», их выдвинула главный редактор журнала Ирина Барметова. Она, кстати, первая и прочитала «Вольтерьянцев». Мы вместе ехали в поезде с прошлогодней Франкфуртской книжной ярмарки, ей тоже нужно было в Париж. Я обмолвился, что закончил роман, и она взяла с меня слово, что я дам ей первой его прочесть. Так все и вышло...

– И вы были, как всегда, обязательны, а она, прочтя, его тут же напечатала. Фантастика! Пошли по процедуре дальше. Вот объявлен шорт-лист. Что делает номинант в ожидании итогов – читает остальных пятерых, чтобы сравнить свое и чужое, оценить шансы?

– Я никого не читал – времени нет, к сожалению, – но сейчас намерен это сделать.

– А вообще – надо писателю читать коллег?

– Если хочешь участвовать в общем литературном процессе – надо. Не хочешь в нем участвовать – не надо. В момент соб-

венной работы – лучше не читать другое, потому что это отвлекает, рассеивает внимание, а необходима концентрация.

– Чем премия Букер отличается от премии «Триумф», в жюри которой вы состоите?

– Суммой денежного приза, которая в «Триумфе» больше в разы. Еще Букер облагается федеральным налогом (с меня взяли даже не 13, а 30 процентов, как с непостоянно проживающего в стране), а «Триумф» – нет.

– Чувствуется, что вы четверть века прожили за границей! Иначе бы ответили: тем, что спонсор одной премии сидит за решеткой, а спонсор другой объявлен в розыск Интерполом.

– Да я и на церемонии вручения Букера сказал, что хочу поблагодарить того, кого мы называем

мир Маканин – очень серьезный писатель. Анатолий Найман переживает подъем в своей прозе, которая по характеру напоминает прозу Трифонова. Евгений Попов опубликовал блестящий рассказ в журнале «Наш очевидец», отличную повесть «Мастер Хаос». Достойн внимания роман Светланы Васильевой «Превосходные люди». Очень интересно работает Александр Кабаков, его последний роман «Все впереди» – очень серьезно, очень достоверно, с фейерверком деталей. Как одевались, что ели в 50-х, на каких коньках катались дети... Ощущение материальной культуры – редкая вещь. Очень интересен эзотерик и сюрреалист Анатолий Королев, которого почему-то не замечают. Его давняя статья о сходстве

Во всем мире сейчас культ роботоподобной молодежи

«нашим узником». В конце даже крикнул: «Свободу Ходорковскому Михаилу!» и поднял два пальца – показал «виктори».

– Вернемся к «Вольтерьянцам и вольтерьянкам». Много чего высказано уже по их поводу: каскад, фейерверк, лингвистические эквилибры. Сочетание фэнтези, романтизма, авангарда. Но вещь – трудно читаемая, придется лишь узкому кругу. Вас ведь ничуть последнее не расстраивает?

– Совсем не расстраивает. Я скорее сторонник сужения своего читательского круга. Большинство читателей сегодня привыкли к чисто развлекательной литературе.

Пусть читают те самые, для кого пишешь.

– Видите ли вы в современной литературе себе соперника – того, кто вам под стать?

– А как же, есть хорошие писатели вокруг. Вы хотите, чтобы я назвал пофамильно? Не хотелось бы кого-нибудь обидеть... Ну хорошо. Андрей Битов – вот большой тоннаж. Влади-

Булгакова и Сталина – это очень любопытно и неожиданно и в точку. Я даже использовал ее, когда читал в американском университете курс литературы. Все лучше и лучше пишет Андрей Вознесенский, несмотря на то что неважно себя чувствует. Его ощущение слова, игра словом, мысль, появляющаяся из этой игры, колоссальная изобретательность – просто удивительны. Он – последний живой футурист.

Русская литература при всех наших стенаниях очень разнообразна, и несправедливо ее третируют как провинциальную. Еще Велимир Хлебников сказал: «Что ново там – то здесь не ново». Я со всей ответственностью заявляю: ни в одной стране мира периодика не уделяет такого внимания литературе и искусству – даже до слегка истерической ноты, как здесь, в России.

– В вашем похвальном списке прозвучали фамилии писателей, которым – от 50 и выше. А в России, знаете ли, культ молодых.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 14

Обвенчанный с удачей

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

– Во всем мире сейчас культ роботоподобной молодежи, чей идеал – «Матрица», полурисованные-полувиртуальные персонажи, поверхностные и довольно путающие.

– **Осенью вы участвовали в совещании молодых писателей – каковы впечатления? Приметили кого-то стоящего?**

– Я их не читал, рассказывал им о жанре романа, об американских впечатлениях... Там были совсем молодые люди, даже до 20 лет. Я сказал им, что в 20 лет нельзя стать писателем, примеры Франсуазы Сagan и Анатолия Гладилина – исключительны. К 30 годам – можно.

– **Вы частенько восхищаетесь молодостью. Если цель земного бытия – самоусовершенствование, отход от биологического существования и выход из тварного мира (цитирую вас), то восхищения достойна мудрая ста-**

рость. А не молодость, чья жизнедеятельность строится на гормональном взрыве.

– Все достойно восхищения – и старость, и молодость. Человек проходит разные фазы – роста, зрелости, увядания... Я считаю, что время – это и есть изгнание из рая. В потоке времени мы проходим путь Адама – из рая в рай. Или в ад, по выслуге. Что касается гормонального взрыва... Секс – замечательная вещь, дарованная нам Богом.

– **Отвечая на вопрос, боитесь ли вы смерти, вы сказали, что боитесь не смерти, а того, что за ней. Что вы имели в виду?**

– Непостижимость. Никто не знает, что там...

– **Вернемся к литературе. Вышли ваши книги «Десятилетие клеветы» – сборник очерков, написанных в свое время для Радио «Свобода», и «Американская кириллица». Что собой представляет последняя – переиздание?**

– Нет, не совсем, там есть новые тексты, есть фрагменты из книг, рассказы. Это часть проекта, связанного с юбилеем американской премии «Либерти», которая вручается за выдающийся вклад в русско-американскую культуру. Директор издательства «Новое литературное обозрение» Ирина Прохорова задумала издать серию книг, написанных лауреатами и посвященных Америке. Вот, вспомнил, «Либерти» – единственная премия, которую я до Букера получал. В этой книге – ни политики, ни полемики, она об американской теме в моих писаниях. Вернее, об американской теме как о строительном материале романа. Пишу о том, как Америка превращается в художественную метафору.

– **Когда я с месяц назад звонила вам в Биарриц, вы обмолвились, что заняты сценарием.**

– Тогда в Биаррице я писал сценарий по «Острову Крым», для кого – не скажу.

– **И не говорите, и слышать не хочу для кого – после надругательства над «Московской сагой», из которой сделали сериальное мыло.**

– Да нет, есть там и хорошие места, если бы я был рядом и давал на режиссера, он сделал бы фильм лучше... Конечно, переписывать и упрощать характеры – это чума. Жалко мне, что в сериале не осталось польских событий.

– **Еще бы в 22-х сериях не нашлось пары-тройки хороших мест при замечательнейших актерах и такой первооснове!**

– И однако вся критика подчеркивается высоким рейтингом сериала.

– **Василий Павлович, да вы двурешник: за сужение круга читателей, но за расширение круга зрителей. У любимого вами канала «Культура» невысокие рейтинги. Подводя итоги: хорошо, что благодаря сериалу взлетели тиражи. Обидно, что кое-где в перио-**

дике стали пописывать – мол, плох-де сам роман.

– Пишут – гады, причем в совершенно совковом духе. Я сам стал его перечитывать – очень неплохо. Есть ощущение того, что ты был захвачен материалом, когда писал, а не выполнял механическую работу. Читая какую-то вещь, можно сразу заметить, испытывал ли ее автор во время процесса вдохновение. Если вдохновения не было, роман получается неполноценным. И, разумеется, необходима ностальгия. Литература без ностальгии – халтура. У меня ностальгия по 60-м годам, дикая ностальгия по Серебряному веку. Причем первоначально она возникла не от литературы, а от питерских подъездов, сплетения гнущего металла в стиле русский модерн... В некоторых случаях ностальгия воплощается в музыке, в картине, в некоторых – только проносится в душе. Литература – это и есть ностальгия, по времени, по человеку, по прожитой жизни. ■

с 13-14

19